

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена САМОЙЛОВА

ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО.
ДЕТИ ДОРОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Елены Самойловой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
КЛЮЧИ НАСЛЕДИЯ
ГРОЗОВОЙ СУМРАК
ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО. ДЕТИ ДОРОГ

Цикл
«СИНЯЯ ПТИЦА»

СИНЯЯ ПТИЦА
ЧУЖОЙ ТРОН
ПАУТИНА СУДЕБ

В соавторстве со Львом Кругликовым
ПО ДОРОГЕ В ЛЕГЕНДУ

Елена САМОЙЛОВА

ЗМЕИНОЕ ЗОЛОТО.
ДЕТИ ДОРОГ

Роман

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Автор выражает благодарность Евгении Шпилевой и Роману Льоренте-Касас за консультации в области высоких технологий, а также Льву Самойлову за помощь в постижении тонкостей мужской психологии

Часть первая ДО И ПОСЛЕ

«Издревле известно, что нет среди тварей живых страшнее и гаже для человека, нежели шассы, или, как их называют в простом народе, змеелюды. Тело их составное, как у химеры: выше пояса подобие человека, ниже — змеиный хвост длиной до двух саженей, и все покрыто прочной чешуей бурого, черного или зеленого цвета, пробить которую не может даже стрела, пущенная из тугого охотничьего лука. Лишь тяжелые арбалетные болты в состоянии поразить шассу, да и то лишь когда он или она находится под неощутимой, незримой простым глазом властью волшебной дудочки змеелова.

Страшны и свирепы шассы, живущие в глубоких норах, каменных пещерах под горами; никого не подпускают они к своим гнездовицам, а уж когда в гнездах по весне появляются янтарные яйца с крепкой, как камень, скорлупой, тогда поблизости не стоит находиться ни людям, ни прочим разумным существам, ни зверью. Потому как все, кроме принадлежащих к роду шасс, послужат добычей и пойдут на прокорм самкам, ожидающим вылупления детенышей. Лишь змееловы, вооружившись своим искусством, верой в Бога и призвав на помощь надежных воинов, рискуя жизнью, проникают в проклятые гнездовища, чтобы уничтожить расплзающуюся под землей заразу.

Человек благодетельный и милосердный спросит, почему шассы считаются самыми гадкими, самыми отвратительными существами среди множества других, населяющих леса, горы и обширные степи на далеком юге Славенского царства? Отвечу: «Никто другой не способен пожрать разумное существо, дабы после заменить его собой». Потому и боятся шасс простые непросвещенные люди — стоит найти на окраине города сброшенную, изодранную в клочья бурю или черную змеиную шкуру в полторы-две сажени длиной, как в сердца людей закрадывается страх и недоверие ко всем, даже самым близким. Ведь известно, что шасса способна украсть не только внешность человеческую, но и память, и, сказывают, даже душу у некрещенных огнем божьим, потому и распознать ее могут лишь служители Ордена Змееловов, коим Господь даровал силу и власть увидеть скользкую змею в облике неповинного человека.

Но шассы не так бесполезны для человека, как может показаться на первый взгляд, и не столь неуязвимы, как думают многие. Плотная, блестящая на солнце чешуя, что покрывает их тела, является превосходной защитой от направленной магии, но и она же, будучи снятой с еще живой или свежееубитой твари, сохраняет это свойство долгие-долгие годы. Потому все лучшие доспехи, используемые волшебниками, изготовлены из шкур шасс, обработанных особым образом. Ядовитый шип, что венчает кончик хвоста у взрослых змеелюдов, равно как и железы, подающие яд в полые клыки, используют при создании универсального противоядия, которое может излечить любое отравление. Шассы не любят холода, неплохо переносят жару, но при всей их живучести самый простой и доступный способ окончательно уничтожить умирающего змеелюда — это сжечь его на костре, а пепел развеять по ветру или над текущей водой.

Среди шасс существует подвид, весьма немногочисленный и очень редкий, — золотые шассы. Как часто они рож-

даются, никому не известно, за всю историю существования Славении только четыре золотые шассы были обнаружены и ликвидированы Орденом Змееловов, и из шкур их были созданы превосходные доспехи, принадлежащие царскому роду Лазоревичей. На что способны золотые шассы, толком неизвестно, но трудности при их поимке несравнимы с трудностями, которые подстерегают змееловов на охоте за любой другой известной людям тварью».

(Книга нелюдей, том второй)

ГЛАВА 1

Тихим звоном отзываются кристальные деревья, выросшие в саду близ нашего гнездовья, на каждое, даже самое легкое прикосновение ветра — частого гостя в запутанном лабиринте ходов, «солнечных окошек» и воздухоотводов. Родители мне рассказывали, что когда-то давно, почти две сотни линек назад, здесь были так называемые шахты, где наши соседи, смешные низкорослые существа с негибкими, неуклюжими подпорками-ногами, добывали искрящиеся на свету камни, но потом сюда пришло людское проклятие, и гномы оставили эти места. К тому времени наш род, отделившийся от Золотого города, находящегося где-то в далеких горах, искал место для нового гнездовища — теплое, уютное, сухое и, что самое главное, безопасное. Ведь под землей живет множество хищных неразумных существ, которые охотятся как за новорожденными детенышами шасс, теми, кто еще не обзавелся прочной чешуей и не научился быстро и ловко ползать, так и за молодыми матерями, что откладывают светящиеся во мраке яйца в выращенное из каменных друз ячеистое гнездо.

Я опасно огляделась по сторонам, но единственное сияние, которое я видела, — это огоньки, мерцающие внутри стволов кристальных деревьев. Значит, никого живого поблизости нет, иначе мои глаза сразу узрели бы исходящий

от пришельца свет, который и подсказал бы, враг передо мной или друг. Впрочем, врагам тут взяться неоткуда: всех крупных хищников еще до моего рождения выжили отец с братьями, да так успешно, что желающих полакомиться за счет шасс сильно поубавилось. Я успокоилась, маленький еще гребень вдоль позвоночника вновь прижался к спине, став почти незаметным, да и короткие гибкие шипы на голове, которым только предстояло стать острыми и нести на кончиках парализующий яд, перестали вставать дыбом и привычно защекотали плечи, покрытые чешуей. Тишина каменного сада наполняла сердце спокойствием и возвращала веру в собственные силы.

Мягко сияют в темноте разноцветные искры на кончиках почти прозрачных веток; каждое дерево выращено с любовью, с мастерством и с каждой последующей линькой становится все более совершенным. Высокое, чуть зеленоватое берилловое дерево отца отполировано прикосновениями души до сталагмитовой гладкости — даже не верится, что когда-то давно это был всего лишь небольшой кристалл с палец длиной, шероховатый, неприметный. Отец нашел его, когда был немногим моложе меня, на свою двадцать вторую линьку, и даже удивительно, что его именно хрустальное дерево выросло так быстро и стало настолько безупречным. Чуть в стороне, в соседней линии, скрывается более низкий изумрудный росток моей матери, что сияет ярче подземных огней в глубокой шахте. Это самое прекрасное дерево в своей линии, самое заметное, хоть и небольшое — моя мать слишком молода, и я — ее дитя из первого выводака. Пройдет совсем немного времени, у меня появятся новые братья и сестры, и тогда кристальное дерево моей матери станет еще прекрасней, еще лучше.

Сегодня я приползла сюда для того, чтобы в очередной раз попытаться прорастить свой собственный кристальный росток на отведенном специально для меня небольшом участке каменного пола поблизости от отцовского дерева. Побег двух моих братьев и сестры уже мерцали в темноте

едва заметными пока что голубоватыми огоньками — так слабо, что не поймешь толком, какие камни они использовали, но главное, они уже есть. Ведь каждый росток свидетельствует о взрослении, каждое кристалльное дерево в нашем саду показывает, насколько силен и смел его владелец, насколько чисты его помыслы, насколько велика тяга к совершенству, к которому нам велит стремиться учение богов Тхалисса.

То, что я на пороге двадцать седьмой линьки не сумела создать росток кристалльного дерева, свидетельствует либо о том, что я неполноценная, слишком слабая для того, чтобы в дальнейшем дать жизнь потомству, либо что пока мне попросту не попался подходящий камень. Мать утешала меня, объясняя, что все дело в материале, отец только качал головой, а младшие братья смеялись и считали отсталой. Может, это потому, что мое яйцо, когда лежало в общей кладке, было настолько тусклым, что мать боялась пустышки? Не знаю.

Сейчас я прятала в запястной складке аккуратно извлеченный из породы рядом с одной из вентиляционных шахт небольшой ярко-желтый топаз и надеялась, что на этот раз все получится. Положить камешек на неровную, шероховатую поверхность пола, накрыть ладонью, представить, как увиденное краем глаза внутри кристалла сияние тонкими ниточками-корешками уходит в толщу породы, как укрепляется и становится более гладким каменный росток, как...

— Аийша! — Искаженный эхом шелестящий голос младшего брата заставил меня вздрогнуть, я перестала чувствовать наливающийся теплом топаз, и камешек, почти укоренившийся в теле скалы, опять превратился в мертвое и бездушное семя. — А я тебя везде ищу!

Только сейчас я заметила братца, выбирающегося из узкого, невесть как тут образовавшегося лаза, больше напоминающего разлом в стене. Хитрющие глаза, яркие, оранжевые, как подземное пламя, гибкое, подвижное тело, сложный черный узор вдоль позвоночника — весь в нашего

отца. Вырастет — наверняка станет его преемником, а пока лишь заноза под чешуей, такая же мелкая и раздражающая.

— Ты мне помешал.

Пытаюсь выглядеть сердитой, а все равно не получается. Детеныш уже различает оттенки эмоций, совсем как взрослый, и точно знает, что я не злюсь, только огорчаюсь. У меня опять не вышло. Кто знает, когда я в следующий раз решусь?..

— Не расстраивайся. — Брат виновато шипит мне в затылок, оборачивается вокруг, кладет голову на изгиб моего хвоста. Ему и вправду жаль, что так вышло, что он помешал очередной попытке доказать родне, но в первую очередь себе самой, что я не урод, что я такая же, как все.

— Я постараюсь. — Хочется добавить в свой ореол, окружающий искру богов, немного больше изумрудных радостных красок, но у меня не выходит: печальной синевы там все больше и больше.

— Хочешь, в следующий раз я тебе помогу? Чуть-чуть, самую малость. Никто и не узнает. — Ярко вспыхивает в его ореоле зеленовато-золотистая надежда. Он и в самом деле хочет загладить свою оплошность, но...

— Нет. Я сама должна.

Брат проворчал что-то неразборчивое, на миг появились красные искорки недовольства и сразу пропали. Вообще. Вместе с ореолом, который практически погас, став тонким, зыбким и почти неразличимым.

Музыка...

Тихая и неслышная, она давила, она подчиняла волю, манила и приказывала прийти на зов, отказаться от которого было почти невозможно. Шорох чешуи, когда брат поднялся и пополз по каменному полу к источнику мелодии. Быстро, помогая себе руками, он уже скрылся из виду; я вздрогнула и последовала за ним. Неторопливо и осторожно, потому что прекрасная мелодия могла лишь подманывать меня, но не отдавать мне приказы, не давить на сознание.

Они стояли в просторном зале, спокойно, не опасаясь за себя и совершенно равнодушно относясь к тем, кто сейчас прятался за их спинами, до боли в напряженных руках вцепившись в странное, непонятное оружие. Люди, много людей. Столько сразу я никогда и не видела.

Тот, кто играл зов на маленькой, украшенной вычурными прожилками-узорами палочке, почти выдохся, мелодия сбилась на полтакта, я ощутила, как ее власть ослабевает, но тут второй человек, чье лицо было скрыто капюшоном, шагнул вперед, поднося ко рту точно такую же палочку, только более длинную, с ярко сияющими в полумраке драгоценными камнями, и музыка грянула с новой силой. Шассы, сползавшиеся из разных уголков гнездовья, останавливались на расстоянии броска от чужаков, но почему-то не нападали. Более того — опускались на свернутые кольцами хвосты, что означало полную покорность и повиновение.

Рубиновое марево с угольно-черными опаленными краями плотным шлейфом накрывало пришельцев. Глухая, беспросветная ненависть, смешанная со страхом и брезгливостью, подпитываемая чуждой, непонятной мне злостью. Мелодия, изливающаяся из тонких металлических палочек-трубочек, как бирюзовый поток, как причудливые извивы диковинного цветка, надежной петлей обвязавшие каждого из моих сородичей, усмирившие их волю и стремления. Но... зачем?

Прохладное сапфирово-синее пятно невозмутимого спокойствия, пронизанное медными сполохами-огоньками самодовольства и трепетного возбуждения, тот самый второй голос, поддерживающий основу бирюзовой мелодии-петли.

Звук металлической трубочки взлетел к потолку, и петля превратилась в удавку.

Засвистели окованные каленым железом прочные тяжелые палочки, один за другим оседали шассы на каменный пол, заливая его кровью, багряно-красной, жаркой, густой,

неровной лужей растекающейся под каждым телом, вокруг которого медленно затухал ореол жизни.

— Почему вы?..

Не боретесь, не нападаете, а покорно умираете под ливнем из остро заточенного железа?!

Тихонько зашипел, соскальзывая на пол, младший брат. Тонкая юношеская чешуя не защитила его от железного ливня, спасти могло только бегство, но он умирал, не трогаясь с места, опутанный бирюзовыми побегими-щупальцами страшной и странной песни, потоком льющейся из тонкой трубочки в руках человека.

Убить... убить... хотя бы его!

Стремительный бросок вперед — люди, полыхающие рубиновой жаждой крови, слишком увлеклись убийством беззащитных, слишком уверовали в свою непобедимость и неуязвимость, в сдерживающую силу бирюзовых побегов и потому не были готовы к тому, что я окажусь так близко.

Гибкий хвост, покрытый бурой чешуей, с размаха хлестнул по рукам человека, держащего металлическую трубочку, из которой лилась мелодия зова. Негромкий треск хрупких косточек, тонкие пальцы разжались, роняя стремительно тускнеющий инструмент, изрезанный светящимися зеленоватыми прожилками, а высокий, надрывный крик взлетел к потолку, эхом отражаясь от каменных стен пещеры. Человек отшатнулся, капюшон слетел с головы, открыв лицо, искаженное болью и яростью. Золотым жгутом соскользнули по плечу свитые в странную прическу с медным шариком на конце волосы, узкие плечи вздрогнули и поникли.

Человечка — это все-таки была «она» — прижала к груди искалеченные руки, что-то выкрикнула с жаркой, отчаянной яростью, полыхнувшей на миг ярчайшей алой звездой с неровным обугленным краем, и тотчас по моему боку скользнуло нечто острое, холодное, безжалостно разрезающее нежные темно-коричневые чешуйки на ребрах.

Больно...

Я отшатнулась, наотмашь взмахнула хвостом так, что человек, вооруженный стальной лентой, едва успел отпрыгнуть в сторону, уклоняясь от удара, — и метнулась в спасительный туннель, в тайный сад нашего семейного гнездовища. Туда, где в округлом зале множество узких проходов и извилистых лазов, протиснуться в которые может только шасса, не выросшая до размера взрослой особи.

Быстрее, еще быстрее! Помогая себе руками, цепляясь коготками за трещины в гладком полу, заползти в каменный сад и на миг оторопело застыть неподвижной статуей. Один за другим гасли кристальные деревья, превращаясь в мертвые камни вслед за своими создателями, тускнели причудливые веточки, с тихим звоном падали на пол вычурные разноцветные друзы. Нет больше моего рода: последние деревья меркнут, отмечая смерть прорастивших их из мертвой каменной породы шасс, погружают обширный зал в непроглядную тьму.

Нужный лаз едва заметно мерцает сине-сиреневым по неровному контуру узкой щели в теле горы. Втиснуться туда непросто, острые выступы нещадно царапают чешую, приходится проталкиваться вперед, цепляясь пальцами за трещины, изворачиваясь и безмолвно упрашивая мать-гору, чтобы пропустила в свое чрево, не зажала намертво в каменных тисках, обрекая на медленную смерть от голода и жажды.

Крики людей за спиной как грохот обвала — подгоняет так же хорошо, как оползень из дробленой руды, под который я едва не угодила в детстве в заброшенном гномьем руднике.

Я рванулась вперед, содрав об острый выступ чешую на спине, и оказалась в крохотной пещерке, дно которой было заполнено черной водой, изливавшейся из подземного источника. Затаилась, наполовину соскользнув в холодное озерцо и вслушиваясь в отрывистую людскую речь, доносившуюся из умершего каменного сада.

Что-то острое кольнуло изнутри запястную складку, покрытую мелкой чешуей. Я опустила руку, и в ладонь мне выскользнул необработанный золотисто-желтый топаз, уверенно мерцающий во мраке подземелья искрой готового прорасти каменного семечка. Только вот родового сада уже не существует... как и самого гнездовища...

Я свернулась в тугой клубок и тихонько горестно зашипела, зажав в кулаке топазовое семечко. Найду их, безжалостных, беспощадных, чужих. Найду играющих на металлических трубочках-инструментах и сделаю так, чтобы эта страшная мелодия больше никогда не звучала.

Даже если для этого придется влезть в шкуру одного из них.

Переполох, поднятый в нестройном ряду наемников мелкой шассой, которую не сумела захватить песнь молодежьей дудочки, постепенно утихал. Наемники, вооруженные тяжелыми мечами, торопливо добивали распростертых на каменном полу нелюдей, довольно гогоча и подсчитывая немалую прибыль, которую выплатят змееловы за три десятка чешуйчатых шкур. Кто-то сдуру погнался за поганой мелочью, удивительно ловко хлестнувшей по рукам дудочки хвостом и смывшейся во мрак подземелья, куда наемники расправлялись с ее сородичами, — и хорошо, если обратно вернуться. Шассы даже в подростковом возрасте отличаются скверным характером, а будучи загнанными в угол, продают свою жизнь особенно дорого.

Викториан, уже лет десять назад получивший гордое звание первого голоса, убрал тонкую металлическую дудочку, украшенную янтарем, аметистами и тонким кружевом медных узоров, склонился над подвывающей от боли девушкой, бессознательно прижимающей к груди покалеченные кисти:

— Прекрати мычать, ты меня сбиваешь.

Дудочница, еще с утра заслуженно претендовавшая на роль первого голоса, упрямо вскинула голову, глядя на змеелова сквозь встрепанную золотистую челку, но почти сразу сникла, отвернулась, словно устыдясь побелевшего, искаженного болью лица и распухшей, до крови закушенной губы.

— Умница, — негромко проговорил Викториан, осторожно берясь за запястья девушки и разворачивая ее руки поближе к неровному свету чадящего смолистого факела. Невольно присвистнул, когда разглядел, во что превратились изящные гибкие пальцы его недавней ученицы.

Правой руке досталось больше, чем левой: четыре пальца из пяти перебиты ловким ударом хвоста, указательный вообще раздроблен так, что острые осколки кости пробили кожу и торчат из кровавой раны белесыми наростами. Вряд ли его теперь соберут даже лучшие медики Ордена Змееловов, скорее всего, попросту отрежут, чтобы рука не сгнила и не потащила девушку в могилу. А вот левой бывшая — теперь уже точно бывшая — дудочница пользоваться сможет, только вот выше второго голоса в любой из возможных связок-союзов ей никогда не подняться. Не сыграть на изящной дудочке сложной многоступенчатой мелодии-заклинания, не опутать нелюдей прочной сетью приказа, отнимающего волю и заставляющего покориться воле человека даже шассу.

— Вик... все настолько плохо? — Дрожащий, срывающийся голос девушки почти не слышен среди радостного гомона наемников, которым покалеченная дудочница была до сгоревшей свечки. — Не молчи только...

— Катрина, — змеелов поднял на ученицу разноцветные глаза, покачал головой, — если повезет, ты останешься вторым голосом, до первого тебе уже никогда не подняться. Мне жаль. Рекомендую после выздоровления пойти к ганслингерам, они...

— Хочешь сказать, что они принимают даже калек?!

— Хочу сказать, что у них ты сможешь реализовать свои амбиции. Среди дудочников у тебя такого шанса не будет.

— Где она?! — Девушка вдруг отшатнулась, поднялась на ноги и, неловко держа перед собой покалеченные кисти, шагнула к заполненному непроглядной тьмой коридору, откуда слышались голоса пустившихся в погоню наемников. — Где эта нелюдь?! У нее нет права жить! Нет! Нет!!! Я сама убью ее! Ненавижу!

Змеелову пришлось схватить за пояс разразившуюся бессильной и оттого более злобной площадной бранью дудочницу, осторожно, почти нежно обхватить тонкую шею ладонью, надавливая пальцами на пульсирующие жилки и начиная размеренно отсчитывать про себя мгновения. На счет «восемь» девушка безвольно обмякла. Викторян окликнул суетливого наемника, возившегося с трупом змеелюда и, вероятно, надеявшегося найти в запястных складках чешуйчатой кожи драгоценные камни, которые шассы иногда таскают с собой, как хомяки — зерно за щеками, и приказал вынести девушку из подземного гнездовища. К скупому дневному свету, сырой, промозглой осенней непогоде и телеге, на облучке которой терпеливо ждали возница и состоящий на службе у Ордена лекарь. Там дудочнице хотя бы перевяжут руки и напоят обезболивающим, чтобы можно было довести раненую до ближайшей обители Ордена, а затем видно будет.

Викториан равнодушно проводил взглядом наемника, торопливо уносящего на плече покалеченный второй голос, и недовольно покачал головой. Способности у девушки были неплохие, иначе он ни за что не взялся бы ее обучать, но амбиции и самоуверенность зачастую подводили дудочницу. Подвели и сейчас. Вместо того чтобы удостовериться, что все гнездо змеелюдов подпало под власть заклинающей мелодии, она пошла к ним навстречу, чувствуя себя победительницей. Один раз споткнулась — Викторяну даже пришлось подыграть ей, поддержать ее музыку долгой нотой, не дав распуститься узлам невидимой сети — и, ско-

рей всего, именно тогда мелкая тварь умудрилась стряхнуть чары и атаковать, интуитивно ударив так, чтобы нанести максимальный вред. Худшей травмы для музыканта, чем переломанные пальцы, даже придумать трудно.

— Ушла, зараза. — Вынырнувший из черноты коридора наемник досадливо сплюнул на забрызганный темной кровью пол, брезгливо переступил через распростертое чешуйчатое тело, с которого в ближайшее время снимут ценную шкуру, и подошел к дудочнику. — Там в пещере ходов как в крысином гнезде, нырнула небось в щель поуже, да и затаилась, будет ждать, пока мы не уйдем. А может, застрянет где и издохнет с голоду. Кто знает, что у этих тварей в башке делается?

— Факел дай. — Викториан требовательно протянул руку, обтянутую тонкой кожаной перчаткой с обрезанными пальцами и узором-чешуей. Вряд ли мелкая тварь уползла далеко: шассы на удивление крепко привязываются к гнездовищу, особенно молодняк, и редко удаляются от своих каменных нор даже после их разрушения. Никуда не денется, будет кружить вокруг в боковых коридорах, пока не проголодается. А потом... Интересно, змеелюды пожирают своих мертвых или они не настолько стремятся к выживанию?

Неровный оранжевый свет чадающего, постепенно догорающего факела плясал по шероховатой стене коридора, дробился в крошечных хрустальных розетках, проросших сквозь тело скалы подобно диковинным цветам. Каждый шаг змеелова гулким эхом отражался от низкого потолка, звук разносился по сумрачному подземелью, напоминая затухающее биение чьего-то сердца. Тишина была столь глубокая, что Викториан слышал лишь шум крови в ушах да изредка возгласы наемников, свежую добычу в соседнем зале.

Мертвое гнездовище шасс неохотно впускало в свое нутро победителя-человека, и ему пришлось пригнуться, чтобы зайти в просторный зал, который никак не мог осветить слабенький огонь, при каждом порыве сквозняка пугливо

прижимающийся к просмоленной палке, обмотанной ветошью. Неудивительно, что мелкую тварь не обнаружили — тут дальше собственной руки ничего толком не разглядишь, а с учетом того, что по своим подземным гнездовьям шассы умеют передвигаться совершенно бесшумно... В этом зале можно долго играть в прятки, пока змеелюду не надоест предложенная игра и он не нападет со спины, переламывая хрупкую шею человека одним ударом хвоста.

Викториан едва заметно улыбнулся, аккуратно пристроил потрескивающий факел у каменной стены, изрезанной глубокими неровными трещинами, и расстегнул тугой ворот рубашки. Потянул за длинную прочную цепочку, напоминающую серебристый витой шнур, и извлек из-за пазухи вычурную металлическую трубочку в ладонь длиной. Чуткие пальцы музыканта-змеелова скользнули по полированной узорчатой поверхности простенькой на первый взгляд дудочки, надавили на едва выступающую завитушку. Раздался тихий мелодичный звон, и дудочка вытянулась, став втрое длиннее прежнего, блеснула россыпью крошечных драгоценных камней-искорок, складывающейся в сложный узор-заклинание, узор-приказ, узор-правило. Инструмент Кукольника, над которым Викторинан работал втайне ото всех с того дня, когда получил звание первого голоса и понял, что может находиться на полшага, а то и на шаг впереди своего учителя, своего Ордена. Дудочка змеелова, дудочка первого голоса при должном мастерстве исполнения и упрямом стремлении играющего на ней способна поставить на колени любую нечисть, а нежить и вовсе раздавить, раз и навсегда упокоить, возвратить в землю, из которой она восстала, но на людей не действует. Иногда люди даже не слышат мелодию, лишь едва ощущают вибрацию, щекощущую кончики пальцев и зарождающую смутное беспокойство в груди, но и только. Чего нельзя сказать об инструменте Кукольника, который чарует людей с той же легкостью, что и нечистых тварей, а доведенный до легендарного, недостижимого пока совершенства способен изменить тело

и сущность человека. Превратить полуразложившегося вампира в живое существо, каким тот был когда-то. Вернуть оборотню человеческий облик и унять звериную ярость даже в ночь полнолуния.

Но и превратить человека в нечистую тварь, утратившую душу, тоже.

Говорят, первые Кукольники и основали ныне существующий Орден Змееловов, набрали учеников для того, чтобы очистить мир людей от расплодившихся чудовищ, и начали передавать им свои знания о волшебных инструментах, превращающих силу человеческой души и воли в приказ, а то и новое Правило. Но слишком непредсказуемы были порывы человеческие, а жажда власти могла пересилить благородное стремление оберегать и защищать, и поэтому Кукольники не раскрыли ученикам главный секрет — как собрать инструмент, изменяющий людей с легкостью умелого скульптора, лепящего из мягкой, податливой глины новую статую.

Кукольники уходили один за другим, унося с собой все флейты, но оставляли после себя множество подсказок. И если у змеелова достанет упорства в достижении поставленной цели, а воля и мастерство подкрепятся бездной терпением, рано или поздно он сумеет создать инструмент Кукольника, тонкую металлическую дудочку, которая позволит сыграть мелодию, изменяющую мир вокруг.

Такую, как та, что лежала на ладони Викторiana. Еще несовершенная, требующая доработки, долгого кропотливого труда, но уже способная на многое. Например, заставить светиться весь этот зал, уничтожив тени в каждом потаенном уголке, а не просто наделать десятков-другой волшебных светлячков, от хаотичного мельтешения которых зачастую больше вреда, чем пользы.

Змеелов медленно, почти торжественно поднес тонкую дудочку к губам, и инструмент отозвался на дыхание человека нежным долгим свистом-трелью, ступенчатым переливом, звоном разбивающихся о каменный пол сосулес, от-

звуками водяной капли, шелестящего по галечному руслу лесного ручейка.

Любое заклинание требует от истинного музыканта не только мастерства исполнения, но и недюжинной силы воли. Именно она становится основой колдовского плетения, на которую ложится разноцветный магический узор-приказ, способный изменить мир вокруг заклинателя. Так просто — и одновременно это кажется невозможным. Собранная собственными руками дудочка не может зажечь в воздухе величественное сияние, подобное которому можно увидеть только на далеких северных островах, покрытых снегом и льдом, но высоко над головой уже разворачивается зыбкое свечение, ледяная радуга, освещающая зал от края до края.

Мириадами разноцветных огоньков заиграли на свету причудливо изогнутые стволы тонких, на первый взгляд хрупких каменных деревьев. Каждая веточка, каждый листок, больше похожий на полупрозрачное птичье перо с мягко закругленным кончиком, каждый извив рисунка на отполированной поверхности подземного растения выглядел произведением ювелирного искусства. Казалось, отломи цветок или ветку — и будет тебе изысканная брошь или украшение, даже обрабатывать не надо, только петельку прикрутить. Да и камень можно любой выбрать: в шассьем каменном саду и аметистовый куст есть, и хрустальный, и даже небольшое деревце из темно-красного граната, больше похожее на застывший во времени фонтан крови из глубокой раны.

Как змеелюды, не знакомые ни с ювелирным делом, ни с магией, умудряются создавать такие подземные сады, до сих пор загадка, которую пока никому из людей разгадать не удалось. Почему они всегда подбирают для своих «поделок» разные камни с одним и тем же изъяном — черным расплывчатым пятном в глубине тщательно отполированного «ствола», — тоже непонятно. Словно гнилое дупло, выжженная дыра в ярком полупрозрачном камне. Да и что

толку шассам с такого сада в крошечной тьме? Теперь уж точно никакого. А драгоценные деревья станут хорошей добычей для Ордена Змееловов, ведь недаром считается, что найти шассье гнездо в теле горы — огромная удача, все равно что обнаружить зачарованный клад или сказочные драконы богатства. Несметные, неисчислимы...

Викториан неторопливо подошел к кроваво-красному гранатовому кусту, наклонился, рассматривая уродливое черное дупло в глубине камня. Для личного сада совсем неплохая статуя будет, да и не самое ценное сокровище в пещере этот застывший кровавый фонтанчик. Уступят трофеем победителю даже скупые кладовщики Ордена, никуда не денутся. Раз уж все равно дудочник не нашел того, что надеялся обнаружить в разоренном гнезде шасс, поневоле придется довольствоваться подвернувшимся под руку...

Несовершенная, недостойная пока называться инструментом Кукольника, тонкая металлическая дудочка смолкла, и разноцветный светящийся туман, причудливым облаком закрывший почти весь потолок обширной пещеры, начал медленно рассеиваться и гаснуть. Еще минуту-другую он повисит, освещая мертвый каменный сад змеелюдов, а потом растает без следа, и можно будет уходить, запечатав вход в подземелье особым ритуалом, который не допустит в недра разоренного гнездовища никого, кроме носящих на своем оружии клеймо Ордена — свившуюся в клубок змею, покорно опустившую узкую граненую голову.

Дудочник убрал инструмент за пазуху и принялся придирчиво рассматривать низенькое светло-голубое аквамамино дерево, более походившее на вытасченный из глубин моря коралловый побег. Протянул руку и с резким костяным треском отломил сверкающую каменными почками и крохотными цветочными бутонами верхушку, сунул обломок в просторный кожаный кошелек на поясе. Пригодится каменная веточка из шассье гнезда — украсит собой инструмент Кукольника и, быть может, сделает самого Викториана хоть на полшагочка ближе к заветной цели.

Странно все-таки шассы «высаживают» свои скульптуры: ровные линии то и дело прерываются, перемежаются пустыми участками, совсем как при обычной рассаде, когда работники специально оставляют побольше места между деревьями, чтобы в дальнейшем там можно было разбить цветник, высадить кусты или провести дорожку. А здесь? Будто знают людские порядки и стараются их скопировать. Зачем только? Чтобы потом проще было влезать в человеческую кожу, превращаясь из жестокой твари в безобидное существо? И так уйти от погони?

Не получится. Для того Орден Змееловов и существует, чтобы не случилось ни с кем страшного, невыносимого, позорного.

Высокий, протяжный звон-свист, мелодия, навязчиво, настырно ввинчивающаяся в уши. Теплая материнская ладонь, только что оглаживающая мальчика по голове, безвольно соскальзывает с нагретой солнцем макушки. Нежная, выбеленная дорогими кремами и притираниями кожа сначала грубеет, на глазах покрывается глубокими морщинами-бороздами, а потом вдруг сползает с хрупкой руки, как перчатка, обнажая покрытую ярко-зеленой чешуей когтистую шассью конечность...

Викториан встал на колени прямо в мелкую каменную пыль, нисколько не заботясь о дорогих суконных штанах, моментально покрывшихся серыми пятнами, скользнул кончиками чутких пальцев музыканта по неожиданно теплomu полу пещеры, изрытому небольшими ямками, на дне которых едва заметно поблескивала золотая паутинка — будто оборванные в спешке тонехонькие корни цветочного побега.

— Эй, господин змеелов! Тебя тут маленькая поганка часом не зажала? — Голос одного из наемников гулко раздался под сводами, далеко разлетелся по подземелью, по-

рождая причудливое, чуточку пугающее эхо, от которого у человека неподготовленного мороз пройдет по коже.

Викториан усмехнулся, торопливо поднялся, небрежно отряхнул штаны и направился навстречу подчиненному «на раз». Расходный материал в бою, эти люди после успешного завершения чистки часто становились развязными и самоуверенными, неразумно предполагая, что опасность осталась лежать мертвой на окровавленном полу.

Наемник пугливо шархнулся в сторону, когда дудочник выступил из сероватых сумерек в чернильную мглу узкого туннеля, которую не разгонял неуверенный свет затухающего факела, едва удержался, чтобы не перекреститься, когда оранжевое пламя дважды отразилось в разноцветных глазах. Правый темный, почти черный, как дуло пистолета ганслингера, а левый светло-зеленый, прозрачный, как вода в затянutom ряской лесном пруду или шассий яд, — глянешь в такие и поневоле задумаешься, так ли велика разница между охотником-змееловом и его жертвой?

— Там... это... уже обдерихи заканчивают. Спрашивали, шкуры от кожного сала сразу чистить или как есть к телегам сволакивать?

— Пусть как есть относят.

Тихий, нежный, почти неслышный свист, шипение, которое можно принять за шум крови в ушах, ощущение непонятной, неизвестной магии-волшебства, царапнувшее затылок острой ледяной колючкой. Змеелов застыл на месте как вкопанный и даже не покачнулся, когда в спину его врезался коротко матернувшийся наемник. Медленно развернулся, отодвигая недоумевающего человека в сторону, скользнул кончиками пальцев по кожаному чехлу на поясе, плавно вытягивая инструмент первого голоса и всматриваясь в чернеющую мглу, заполнившую пещеру мертвого каменного сада.

Здесь она. Спряталась там, где человек до нее не доберется, и теперь выжидает. Если забила в тупиковый туннель, это полбеды: либо сдохнет от голода и жажды, либо

попытается выбраться, пока тут орудуют гномы, аккуратно раскалывающие основания каменных деревьев под пристомром змееловов. Тогда ее гарантированно прирежут и невзрачную бурую шкурку прибавят к трофеям, оставшимся от родственничков.

А если нет? Если ход, куда забралась недозрелая шасса, ведет на поверхность, к людям? Тогда ее днем с огнем не разыщешь, все ноги собьешь, и облава не поможет. Хитрые и юркие эти змеелюды, а уж когда из шкуры своей вылезут и человечесю кожу напялят, и вовсе не обнаружишь, разве что случайно шасса сама себя выдаст или попадет под трель змеелова.

— Не с-с-смотри!

Треск ткани, и широкая юбка, хранящая аромат белых роз и фиалок, накрывает ребенка с головой. Истошные вопли торговли почти заглушают музыку дудочки, которая становится все громче и громче с каждым ударом сердца. Родной, бесконечно любимый ласковый голос уже не узнать, слова звучат как шипение опущенной в воду горячей головни.

— С-с-сапомни. Твоя мать умерла с-с-сразу пос-с-сле родов.

Далекое отрывистые хлопки, звенящая музыка, оборвавшаяся на самой высокой, надрывной ноте.

Через дырочку в плотном синем бархате материнской юбки видна только покрытая изумрудной чешуей когтистая ладонь шассы, неподвижно лежащая на окрашенной багрянцем бульжной мостовой...

Нельзя ее упустить. Маленькие змеючки в человечесьем теле растут втрое быстрее, а память у них долгая — через полвека обидчика почуют и узнают. И непременно отомстят.

— Бегом к выходу, чтобы не мешал.

Второй раз наемнику повторять не пришлось: похоже, он считал оплату своего труда слишком низкой, чтобы все-рвез рисковать жизнью при охоте на шассу, будучи вооруженным всего лишь коротким мечом не самого лучшего качества. С арбалетом в руках, да за спинами дудочников, оно всяко проще и приятней.

Шипение раздалось снова, на этот раз ближе. Еле слыш-ный шорох чешуи по каменному полу. Выползла все-таки, гадина мелкая.

Викториан сунул узорчатую дудочку в чехол на поясе, вместо нее вновь доставая из-за пазухи инструмент Кукольника. Раздался тихий звон, когда металлическая палочка вытянулась, вспыхнула изумрудно-зелеными узорами под чуткими пальцами человека... Загорелись во тьме мертвой пещеры золотые шассьи глаза с узкой трещиной зрачка, мириадами солнечно-желтых искр заплясала по ее чешуе магия инструмента Кукольника, оплела тугой петлей — и вдруг распалась на куски, жарким огненным ветром пронеслась под сводом подземелья, на краткий миг выхватывая из темноты заползающую в узкую трещину змеелюдку. Расплавленным золотом, раскаленными угольями блестел вычурный узор на кончике тонкого хвоста с неоформленным, безопасным пока шипом.

ГЛАВА 2

Узкая каменная кишка нещадно сдавила со всех сторон ставшее скользким чешуйчатое тело.

По влажной скале стекали тонехонькие ручейки, капли воды срывались с низкого потолка небольших пещерок, собираясь в мелкие солоноватые лужицы на полу. Слышно было, как за тонкой, непрочной стенкой шумела втиснутая в извилистое русло подземная река, как изредка глухо ударялись о стену булыжники, влекомые бурным течением, — русло в этом месте круто изгибалось, река вначале удаля-

лась глубже под землю, а потом прокладывала себе путь наружу.

Я ползла вперед по влажному туннелю, помогая себе руками, цепляясь за камни, высвеченные голубоватым контуром. Страшно тут не то, что приходится протискиваться в узкую щель, страшно дышать, хвататься за выступы и думать о том, что в любой момент бурная подземная река может разрушить тонкую перегородку, отделяющую слишком тесное для нее русло от лаза, больше похожего на рану в теле горы...

Быстрее, еще быстрее.

Я слишком боюсь умереть так. От воды, заполняющей легкие, от течения, что подхватывает, подобно руке великана, и с яростью швыряет о камни, скрытые под водой. Боюсь с тех пор, как случайно свалилась в горный поток и едва сумела выбраться — просто несказанно повезло, боги Тхалисса еще хранили в тот день свое неугомонное, непоседливое дитя. Тогда мне все время чудилось, что на каждом бурлящем в полной темноте пороге река пытается затянуть меня в узкую промоину, протащить сквозь разлом, обнимая со всех сторон ледяными потоками-пальцами, убить, уничтожить, сделать своей частью, мертвой, холодной... и такой же безжалостной.

Меня вытащил отец. Именно его сияющая густо-синей аурой спокойствия рука схватила меня за хвост, выловила из беснующегося подземного потока в тот момент, когда я была готова сдаться и позволить реке нести меня куда угодно — хоть в открытый мир под солнцем, хоть под землю, к предкам.

Но сегодня отца рядом не было. И уже никогда не будет.

Погас, умер каменный сад, на месте сияющих огоньков остались лишь уродливые черные дупла, будто кто-то жестокий и невероятно сильный вырвал живое, еще бьющееся сердце из каждого ствола, выращенного тщательным, кропотливым трудом.

За что?! Вопрос, который не давал мне покоя, который звучал в голове эхом предсмертного вздоха-шипения, метавшийся под сводами черепа, как под потолком каменного подземного зала. За что эти двуногие нас так ненавидят? Что мы, живущие в пещерах и очень редко выбирающиеся в открытый мир под солнцем, успели им сделать, чем обидели так сильно, что они пришли не разговаривать, не наблюдать, а вершить странный несправедливый суд, выносящий нам смертный приговор? Разве мы кому-то мешали? Горы, внутри которых раскинулась частая сеть туннелей нашего гнезда, свободны и необитаемы, да и на поверхности нет ничего, кроме голых скал и редкого жесткого кустарника; вниз изредка спускались только малорослые гномы. Далеко от выходов не уходили, осматривали несколько туннелей и залов, да и уходили ни с чем — сунуться в глубь подземелий не рисковали. А эти... эти пришли как хозяева, как победители, как властелины всего сущего.

Острый камень врезался в бок, скользнул по прочной чешуе с противным скрипом. Я зло зашипела, рывком проползла вперед, чувствуя, как вздрагивает тонкая стена, отделяющая меня от бурного речного течения. Опасный туннель, пугающий до дрожи, холодный, узкий — но единственный из известных мне, что ведет в открытый мир. Другие, может, и были, но я о них не знала, а отец собирался рассказать, но позабыл. Теперь поздно об этом думать, да и назад не повернешь: не пустит обнявшая со всех сторон скала, сожмет, раздавит тяжестью своего холодного чрева. К тому же наши боги не благоволят к трусам и отступникам, не прислушиваются к молитвам тех, кто отказался от намеченной цели из-за малодушия, отворачиваются от них в тот миг, когда помощь жизненно необходима...

Рывок, еще рывок.

Грохот воды постепенно отдаляется, туннель становится все суше и шире. Уже можно не протискиваться в узкую щель, полагаясь только на руки с обломанными коготками. Еще немного — и я сумела выпрямиться, поползти по тихо

шуршащему камню, низко пригибая голову, чтобы ненароком не стукнуться лбом о редкие сталактиты, слабо мерцающие в подземном мраке.

Легкий, едва ощутимый теплый ветерок ласково скользит по влажной, кое-где ободранной чешуе, успокаивает боль. С двух пальцев на левой руке коготки сорваны начисто, и кровь капает на камень тяжелыми темными каплями, отмечая мой путь в открытый мир. Шкура покрыта царапинами, поток свежего воздуха неприятно щекочет длинные ссадины на боках, некрасиво ободранные, ставшие дыбом чешуйки, которые проще отодрать, чем пытаться пригладить, вернуть в четкий узор.

Впереди забрезжил дневной свет, показавшийся мне безумно ярким и слепящим после непроглядного мрака подземелий, где я привыкла ориентироваться, полагаясь на разноцветное сияние, исходящее от каждого предмета. От живого существа — яркое, сильное, вызывающе заметное, от каменных туннелей, подземных грибов и скал — тонкий, едва видимый контур. Отец рассказывал, что только мертвые невидимы для зрения шасс, лишь они кажутся нам черным слепым пятном, совсем как дупло, остающееся в сердцевине каменного дерева после смерти его владельца, его хозяина.

Я прищурилась и, стараясь смотреть на каменный пол, поползла к выходу. Открытый мир, раскинувшийся за пределами горы-гнездовища, в первые же мгновения поразил меня до глубины души, ослепил буйством жизненных красок, напугал и одновременно восхитил своим совершенством! Над горизонтом медленно и величаво поднималось дневное светило, разливающее по высоким глубоким небесам рубиновое зарево, у подножия скалы колыхались изумрудные волны-деревья, среди которых то и дело вспыхивали живые огоньки. Серая туманная дымка, легким облачком накрывающая подножие гор, пугливо жалась к земле, медленно таяла под лучами светила, распадалась на пыш-

ные белесые ключья, прячущиеся от рассветных шипов в глубоких оврагах.

Сколько же здесь... всего! Богатство, равного которому не сыскать даже в самой глубокой шахте, бесценное сокровище, такое же дорогое, как каменное древо жизни для каждой шассы. Небо, которое я раньше видела только через небольшие окошки воздухопроводов, оказалось настолько высоким, что у меня закружилась голова. Чудилось, будто бы я проваливаюсь в эту бархатистую сапфировую синеву, чуть подсвеченную крошечными огоньками-бриллиантами, сердце пугливо сжимается, трепещет, будто бы его коснулась чья-то прохладная ладонь...

Тонкий долгий крик прорезает кажущийся безмятежным лес, колышущийся у подножия горы. Эхо мечется между скал, многократно отражаясь от каменных стен, поросших чахлыми деревцами с мягкими иголочками вместо листьев, затихает, но только для того, чтобы раздаться снова, уже чуточку ближе.

Я пугливо прижалась к скале, сливаясь с пятнами бурой руды, проступавшей сквозь шершавый серый камень, и только тогда услышала низкий отрывистый смех, больше похожий на горловой лай брехливого подземного шакала, трусливой, подлой зверюги, которая никогда не решится напасть на шассу в одиночку, зато если собьется стая хотя бы из десятка крупных особей... Даже взрослой шассе придется нелегко, что говорить о детенышах и подростках.

Смех человека, вышедшего на охоту за разумной тварью. Низкий, раскатистый хохот двуногого существа, уверенного в своей неуязвимости и безнаказанности, в силе и превосходстве.

Ненавижу!

Я соскользнула вниз по узкой извилистой тропке, больше похожей на пересохшее русло неглубокой горной речушки, торопливо поползла, едва успевая замедлять непривычно быстрый спуск. По отполированным водой камням мое тело скатывалось с легкостью водяного потока, знай то-

лько прижимаюсь светлым животом к скале и следи, чтобы не влететь лицом в слишком крутой поворот.

Шорох мелких камушков, слюдяного песка под грудью. Жесткие крупинки липнут к кровоточащим ссадинам на местах содранной чешуи, раздражают, причиняют боль при каждом недостаточно ловком движении, а на пальцах, лишившихся коготков, выросла тонкая бурая корочка. Не страшно: цикл-другой бодрствования — и они заживут, а отросшие когти будут крепче и острее сорванных.

Отрывистые, лающие звуки человеческой речи, жалобный вопль, взлетевший к холодным синим небесам и оборвавшийся на самой высокой ноте. Я нырнула в застеленные туманным облаком заросли высоких хрупких кустов, с треском ломая мягкие тонкие веточки, подползла к частым колоннам деревьев, которые, казалось, подметали небеса сияющими зеленью кронами. Ровная поляна, устланная плотным ковром пожухлых иголок, резко, сладко пахнущих тягучей древесной кровью. Низкое, суетливое ворчание двуногого существа, окутанного грязно-красным ореолом злобы и страсти к насилию над тем, кто слабее, меркнущая голубоватая аура человека поменьше, безвольно распростертого на земле. Сладость смолы перешибает солоноватый запах с примесью железа, темное пятно разливается по лесной подстилке, пропитывает ее умирающей, истекающей из глубокой раны в груди человека жизнью.

Мужчина, так напоминающий одного из тех, что сеял смерть в разоренном гнездовище с помощью тяжелых железных колышков, резко дернул за яркую многослойную одежду лежащей на земле хрупкой, очень молодой, недооформившейся женщины, и странный материал разошелся с глухим треском.

Думаю, насильник даже не успел понять, что его убил: шея тихо хрустнула от точного удара хвостом, и человек молча повалился на ноги умирающей женщины, держась за широкий ремень вроде тех, на которых гномы-недоросли носят свои инструменты. Я наклонилась, почти касаясь

кончиком длинного раздвоенного языка кожи убитого, и почти сразу с отвращением отпрянула. Нет, в эту шкуру я не ползу: человек источен болезнью изнутри, да еще и отравлен каким-то медленно убивающим ядом, который вначале вызывает эйфорию, а потом нездоровое, полубольное состояние. Нет, он не подходит. А вот женщина...

Я приблизилась к часто и неглубоко дышащей человечке, осторожно слизнула языком кровавую пену с ее губ. Здоровая, молода, почти ребенок. Но не выживет: холодный железный шип пробил легкое и засел слишком глубоко. Внутренности уже наполняются кровью, еще чуть-чуть — и она погибнет, а значит, у меня не будет шансов забрать ее воспоминания и научиться языку людей, который сейчас звучит для меня как хриплый, животный лай. Отец учил, что если хочешь влезть в шкуру другого существа, то воспоминания можно взять лишь у живого или умирающего, а внешность... Для смены облика достаточно и свежего трупа врага. Я никогда не проделывала ничего подобного с разумными существами, только со зверьем, которое взрослые добывали на охоте специально для обучения молодняка. Принять чужую внешность, выбираясь из собственной шкуры так же, как десятки раз во время линьки, — просто, но как забрать чужую память, при этом сохранив свою?

Не попробую — не узнаю, а второй шанс может не вернуться.

Я склонилась над глубокой раной в груди женщины, широко раскрыла рот и аккуратно надавила кончиком когтя на основание ядовитого зуба, сцеживая прозрачную зеленоватую жидкость.

Не бойся, человечка... Ты просто заснешь. Ты умрешь не от режущей при каждом вдохе боли в груди, не от раны — просто уснешь и не проснешься, а переход к смерти для тебя будет легким и приятным, через яркие чудесные сны, которые непросто отличить от яви.

Ее лицо разгладилось, веки медленно опустились, а на окровавленных губах заиграла слабая, нежная улыбка. Я

рывком выдернула глубоко засевшую в ране длинную пластинку остро заточенного железа и припала ртом ко рту, ловя последний вздох, а вместе с ним чужую память и знания, накопленные за очень короткую жизнь... девочки, пятнадцати лет от роду. Ромалийки, странствующей по свету со своей семьей, которая осталась где-то у обоза, разграбленного выскочившими из засады разбойниками.

Рада... Радужка...

Тоненький ручеек чужих воспоминаний превратился в стремительный горный поток, отеснивший в сторону меня-шассу и принесший с собой уже знакомую боль, сопровождавшую каждое превращение.

Телегу немилосердно трясло и подбрасывало на каждом камешке, попадавшем под деревянный обод колеса, натужно скрипели разошедшиеся оси, грозя переломиться прямо посреди горной дороги, больше напоминавшей козью тропу или русло высохшей речушки, а до обрешетки было боязно дотронуться — того и гляди отвалится. Наемники гуськом следовали за телегами, переговариваясь вполголоса и отпуская сальные шуточки по поводу и без, делили еще не выплаченную награду за шассы шкуры, которыми нагрузили самую первую повозку, запряженную низкорослым мохнатым коньком. Странной, смешной животинкой, которая не боится ни заморозков, нередко случающихся в горах ночью, особенно по осени и весне, ни палящего зноя, а по узким горным тропкам скачет не хуже легконогой бурой козы. Вот и сейчас — уверенно идет по скользким камням под противным морозящим дождем, неторопливо тянет телегу, не обращая внимания на острый змеиный запах, исходящий от накрытой грубой дерюгой поклажи, увязанной просмоленными бечевками. Другая лошадь нервничала бы и взбрыкивала через каждый десяток саженей, а эта трусит себе спокойненько, послушная ременному поводу.